

Генераль А. И. Деникинъ

**КТО СПАСЪ
СОВѢТСКУЮ ВЛАСТЬ
ОТЪ ГИБЕЛИ**

ПАРИЖЪ

1937

Т О Г О Ж Е А В Т О Р А

на русскомъ языкѣ:

- Очерки Русской Смуты:* Томъ I Парижъ 1921 г.
Томъ II Парижъ 1922 г.
Томъ III Берлинъ 1924 г.
Томъ IV Берлинъ 1925 г.
Томъ V Берлинъ 1926 г.

Офицеры (Очерки) Парижъ 1928 г.

- Старая Армія:* Томъ I Парижъ 1929 г.
Томъ II Парижъ 1931 г.

Русскій вопросъ на Дальнемъ Востоку. Парижъ 1932 г.

Брестъ-Литовскъ Парижъ 1933 г.

Международное положеніе, Россія и эмиграція Парижъ
1934 г.

Въ 1917-1920 годахъ на востокѣ Европы происходили событія грозныя и кровавыя, рѣшавшія судьбы Россіи и Польши. Одна изъ страницъ этого прошлаго, наиболѣе темная и, можетъ быть, наиболѣе трагическая по своимъ результатамъ, только въ послѣдніе дни получила окончательное разъясненіе. Я разумѣю роль Польши въ противобольшевицкой борьбѣ армій Юга Россіи, мною нѣкогда предводимыхъ.

Исторія моихъ взаимоотношеній съ маршаломъ Пилсудскимъ была освѣщена мною еще въ 1926 году въ V-мъ томѣ моего труда «Очерки Русской Смуты». Но въ Польшѣ, по желанію Пилсудскаго, на эти темныя страницы прошлаго до самой его смерти наложенъ былъ запретъ. Только теперь бывшіе сотрудники маршала — генералы Галлеръ (бывш. начальникъ генеральнаго штаба) и Кутшеба (бывш. начальникъ отдѣла оперативныхъ плановъ) напечатали свои воспоминанія, вскрывающія сущность дѣянія, даже въ глубокихъ сумеркахъ современной политической морали представляющаго явленіе незаурядное. Освѣщеніе этого вопроса интересно не только въ цѣляхъ установленія исторической правды, но и потому еще, что надвигающіяся событія создаютъ конъюнктуру, во многомъ сходную съ той, которая была въ 1919-1920 годахъ.

**

Съ конца 1917 года поднялось Бѣлое движеніе. Сначала на Югѣ, потомъ на Востокѣ, на Сѣверѣ и Западѣ. Весьма разнородное — и соціально, и политически — по составу своихъ участниковъ, оно возникло стихійно, какъ естественное стремленіе народнаго организма къ самосохраненію, къ государственному бытію, какъ протестъ противъ Брестъ-Литовскаго мира и распродажи Россіи, какъ реакція противъ небывалаго угнете-

нія духа, свободы, самодѣтельности народа, противъ физическаго истребленія цѣлыхъ классовъ. Значеніе Бѣлаго движенія не ограничивалось предѣлами Россіи. Въ первое критическое время послѣ окончанія міровой войны только Бѣлыя арміи остановили красный потокъ, угрожавшій Европѣ; только онѣ охранили отъ затопленія западныя новообразованія и безсильную еще тогда въ военномъ отношеніи Польшу. Достаточно сказать, что къ концу 1918 года, когда рухнулъ заградительный австро-германскій кордонъ, изъ 400 тысячъ дѣйствовавшей совѣтской арміи 300 тысячъ было сковано Бѣлыми фронтами, и только 100 тысячъ развернулось болѣе чѣмъ на 1.000 километровъ, отъ озера Онежскаго до Орши на Днѣпрѣ, противъ Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, Литвы и Польши.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась Польша и, встрѣчая слабое сопротивленіе большевицкихъ войскъ, продвинула свой фронтъ до Двины, Березины и Случа.

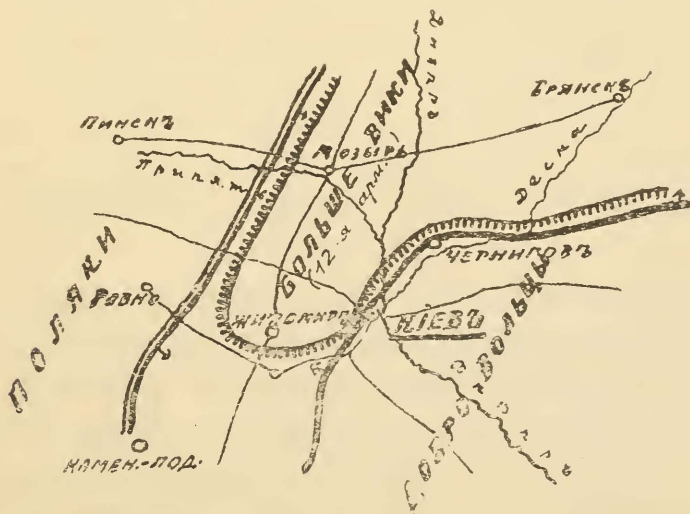
Рядомъ международныхъ трактатовъ, заключенныхъ на Версальской конференціи въ серединѣ 1919 года, установлена была западная граница Польши. Что же касается в о с т о ч н о й, то рѣшеніе этого вопроса б е з ъ Р о с с і и представляло непреодолимыя трудности. И только въ началѣ декабря Верховный Совѣтъ опредѣлилъ, наконецъ, в р е м е н н у ю границу (такъ называемая линія Керзона), проведя ее примѣрно по рубежамъ бывшей русской Польши, безъ Гродно и Брестъ-Литовска. Въ этихъ предѣлахъ Польшѣ предоставлено было ввести нормальное государственное управленіе, тогда какъ дальнѣйшее расширеніе на востокъ ставилось въ зависимость отъ соглашенія съ Россійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Это рѣшеніе вызвало въ Польшѣ взрывъ неудовольствія. Въ польскомъ сеймѣ и въ печати въ самой рѣзкой формѣ раздались требованія о присоединеніи къ польскому государству въ той или другой формѣ Литвы, а также о захватѣ отъ Россіи большей части Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи. Эти домогательства имѣли противъ себя политику Антанты, Бѣлыхъ правительствъ и Литвы, и во-

оружейное противодѣйствіе красной арміи. Къ созданію «Великой Польши» за счетъ Россіи особенно отрицательно отнеслась Англія, и лордъ Керзонъ самымъ настойчивымъ образомъ совѣтовалъ польскому правительству «удержать свои притязанія въ разумныхъ предѣлахъ, не стремясь поглотить народности, не имѣющія съ Польшей племенного родства и могущія быть лишь источникомъ слабости и распада».

Къ осени 1919 года арміи Юга Россіи, наступаая на Москву, занимали фронтъ отъ Царицына на Воронежъ-Орель-Кіевъ-Одессу, прикрывая освобожденный отъ большевицкой власти районъ восемнадцати губерній и областей — пространствомъ въ 1 миллионъ кв. километровъ, съ населеніемъ до 50 миллионъ.

Предпринимая наступленіе въ сторону Кіева, я имѣлъ въ виду огромное значеніе — въ о б о ю д н ы х ъ и н т е р е с а х ъ — соединенія Добровольческой арміи съ Польской. Это соединеніе автоматически освобождало бы польскія войска восточнаго фронта и все русскія войска Кіевской и Новороссійской областей — для дѣйствія въ сѣверномъ направленіи. Я предлагалъ польскому командованію, чтобы оно продвинуло войска только до верхняго Днѣпра, въ общемъ направленіи на Мозырь. Одна эта диверсія, какъ видно изъ

КІЕВСКІЙ ФРОНТЪ КЪ ОКТЯБРЮ 1919Г.

скій), напутствуя его «требовали во что бы то ни стало добиться соглашения», считая, что «иначе положение Польши между Германией и Россіей грозитъ чрезвычайными потрясеніями». Горячо увѣрялъ меня и таганрогскія мисіи Антанты, что у Польши никакого соглашения съ совѣтами нѣтъ, а временное затишье на фронтѣ вызвано техническими условіями... Подобныя же завѣренія дѣлались въ Варшавѣ обезпеченнымъ представителямъ Англии и Франціи, въ частности уполномоченнымъ англійскаго правительства, члену парламента Макъ-Киндеру и генералу Бриггсу, ведшимъ въ польской столицѣ переговоры о коопераціи Польскихъ Армій съ Добровольческими.

Что же касается совѣтскаго правительства, то оно съ радостью приняло предложеніе Пилсудскаго, давъ, по его требованію, завѣреніе, что «тайна будетъ сохранена нерушимо». Сохранялась она совѣтами дѣйствительно до 1925 года, когда, по случаю смерти Мархлевскаго, совѣтская печать повѣдала міру, какую великую услугу оказалъ покойный російскому коммунизму.

Такъ шли недѣли и мѣсяцы. А тѣмъ временемъ 12-я совѣтская армія спокойно дралась противъ Кіевскихъ Добровольческихъ войскъ, имѣя въ ближайшемъ тылу своемъ польскія дивизіи.... А тѣмъ временемъ совѣтское командованіе снимало съ польскаго фронта и перебрасывало на мой десятки тысячъ штыковъ и сабель, рѣшившихъ участь Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

Только съ конца декабря, послѣ паденія «бѣлаго» Кіева, польскія войска возобновили военныя дѣйствія на сѣверѣ, а на Вольнскомъ фронтѣ ген. Листовскій сталъ занимать безъ боя города, покидаемые отступавшими къ Одессѣ Добровольцами.

Объ этой трагедіи Бѣлыхъ армій и русскаго народа ген. Галлеръ съ холодной жестокостью говоритъ:

«Слишкомъ быстрая ликвидація Деникина не соответствовала нашимъ интересамъ. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продлилось, чтобы онъ еще нѣко-

торое время связывалъ совѣтскія силы. Я докладывалъ объ этой ситуаціи Верховному зовдю (Пилсудскому). Конечно, дѣло шло не о дѣйствительной помощи Деникину, а лишь о продленіи его агоніи»...

Съ этой именно цѣлью предположена была диверсія противъ совѣтскаго фронта «послѣ того, какъ большевики займутъ Полтаву». Но отъ мысли этой генералы Пилсудскій и Галлеръ скоро отказались: «мы пришли къ убѣжденію — пишетъ Галлеръ — что диверсія эта принесла бы намъ мало пользы».

Дѣстойно вниманія, что даже въ тѣ дни, когда принято было это рѣшеніе, ген. Пилсудскій, черезъ уполномоченнаго возмозжнмъ довести до моего свѣдѣнія о соглашеніи своемъ на свиданіе со мной и на помощь намъ... весной.

Это было въ январѣ 1920 года, когда арміи Юга отступили уже за Днѣпъ. Мы не знали тогда, что вопросъ идетъ только о «продленіи нашей агоніи», но и помимо того, при создавшихся условіяхъ, обѣщаніе помощи «весною» звучало злой провѣей.

Нечего и говорить, что съ русской національной точки зрѣнія «методы», примѣнявшіеся Пилсудскимъ, вызываютъ глубочайшее возмущеніе. Но и «міровая совесть», несмотря на хроническую глухоту свою, не можетъ не заклеить «военную стратегию» покойнаго маршала Польши.

**

Изъ всего изложеннаго вполне понятно, почему Пилсудскій объ этой исторіи молчалъ до конца своей жизни и заставлялъ молчать другихъ. Теперь, когда запретъ молчанія снятъ, его соучастники стараются оправдать его и свои дѣянія.

Какіе же мотивы приводятъ они?

Во второй вербальной нотѣ (начало декабря 1919 года) капитанъ Боэрнеръ передавалъ совѣтскому правительству:

«Въ основу политики начальника государства (Пилсудскаго) положенъ фактъ, что онъ не желаетъ допустить, чтобы россійская реакція восторжествовала въ Россіи. Поэтому все въ этомъ отношеніи, что возможно, онъ будетъ дѣлать хотя бы вопреки пониманію советской власти. Изъ этого признанія советское правительство д а в н о у ж е должно было сдѣлать соответственные выводы. Тѣмъ болѣе, что давно уже реальными фактами Начальникъ государства доказывалъ, каковы его нацѣрненія».

Можно только поражаться такимъ... одностороннимъ заботамъ Пилсудскаго о Россіи. А «восторжествованіе въ Россіи» всеразрушающей, заливавшей и заливающей кровью страну, наиболѣе реакціонной изъ всѣхъ когда либо бывшихъ диктатуръ — советской — могло быть допущено?

Нѣтъ, не за торжество того или иного режима, не за партійные догматы, не за классовые интересы и не за матеріальныя блага подымались, боролись и гибли вожди Бѣлаго движенія, а за спасеніе Россіи. Какой государственнй строй приняла бы Россія въ случаѣ побѣды Бѣлыхъ армій въ 1919-1920 г., намъ знать не дано. Я увѣренъ, однако, что послѣ неизбежной, но кратковременной борьбы разныхъ политическихъ теченій, въ Россіи установился бы нормальный строй, основанный на началахъ права, свободы и частной собственности. И ужъ во всякомъ случаѣ — не менѣ демократическій, чѣмъ тотъ, который ввелъ въ Польшѣ покойный маршалъ... Наконецъ, было, вѣдь, совершенно ясно, что не «деникинскій», не «колчаговскій», не какой либо иной временный режимъ поставленъ на карту, а судьбы Россіи.

Во всякомъ случаѣ непонятнымъ и непосильнымъ являлось навязываніе и з в н ѣ русскому народу его государственнаго устройства. Тѣмъ болѣе непонятнымъ, что

самъ ген. Пилсудскій, порицая активную политику Антанты, направленную противъ большевиковъ, въ первой вербальной нотѣ совѣтамъ заявилъ, что «Польша не есть и не желаетъ быть жандармомъ Европы»!..

Второй мотивъ оправданія (ген. Кутшеба):

«По свидѣніямъ ген. Пилсудскаго... Деникинъ отказался признать полную государственную самостоятельность Польши и ее право голоса въ вопросъ о будущемъ тѣхъ земель, некогда польскихъ, которыя по раздѣламъ достались Россіи».

II потому:

«Погромъ совѣтской арміи приведетъ бы къ утвержденію правленія Деникина и, въ результатъ, къ непризнанію интегральной самостоятельности Польши».

Такое оправданіе, принимая во вниманіе тогдашнюю международную обстановку, при наличіи архивовъ «бѣлыхъ», англійскихъ, французскихъ, при жизни десятковъ союзныхъ дѣятелей, бывшихъ посредниками въ сношеніяхъ между Таганрогомъ и Варшавой, такое оправданіе расчитано, очевидно, только на полную неосвѣдомленность читателей.

Мое признаніе независимости Польши было полнымъ и безоговорочнымъ. Еще до паденія Германіи, когда Польша находилась въ австро-германскихъ тискахъ, я формировалъ польскую бригаду полковника Зелинскаго «на правахъ союзныхъ войскъ», съ самостоятельной организаціей и польскимъ команднымъ языкомъ. Эта бригада, со всей ея матеріальной частью, при первой же возможности была отправлена мною моремъ (дек. 1918 г.) на присоединеніе къ польской арміи. Съ начала 1919 года на территоріи Вооруженныхъ силъ Юга находился уполномоченный Польскаго Національнаго Комитета, признаннаго и Антантой, графъ Бемъ-де-Косбанъ — въ качествѣ представителя Польши; онъ встрѣчалъ широкое содѣйствіе со стороны моего правительства въ от-

правленіи своихъ официальныхъ функцій. Когда же 26 сентября въ Тагастрогъ прибыли миссіи генерала Карницкаго и Иванцкаго, онѣ встрѣчены были нами съ исключительной торжественностью и сердечностью. На пріемѣ я привѣтствовалъ пословъ Польскаго государства слѣдующими словами:

«Послѣ долгихъ лѣтъ взаимнаго непониманія и междуусобной распри, послѣ тяжелыхъ потрясеній міровой войны и общей разрухи, два братскихъ славянскихъ народа выходятъ на міровую арену въ новыхъ взаимоотношеніяхъ, основанныхъ на тождествѣ государственныхъ интересовъ и на общности вѣншихъ противодѣйствующихъ силъ. Я отъ души желаю, чтобы пути наши болѣе не расходились.

Подымаю бокаль за возрожденіе Польши и за нашъ будущій кровный союзъ».

Тяжелое воспомнаніе...

Такимъ образомъ, признаніе нами Польскаго государства носило не только фѳормальный, но и идейный характеръ. Но для сѳиціальной версіи, очевидно, удобнѣе отрицать эту очевидность, чтобы дать какое либо оправданіе тому непостижимому для непосвященныхъ парадоксу, въ силу котораго ген. Пилсудскій, какъ свидѣтельствуютъ его сотрудники, «сознательно стремился къ гибели русскихъ національныхъ силъ» и къ поддержкѣ той «красной революціи», которая, по его же убѣжденію, «шла не только съ цѣлью опрокинуть Польшу, но и поджечь факеломъ коммунизма весь міръ».

Наконецъ, третій мотивъ — вопросъ о восточныхъ границахъ. Вопросъ этотъ силою вещей не могъ въ тѣ поры получить окончательное разрѣшеніе. Я настаивалъ на сохраненіи временной границы впрередъ до разрѣшенія судьбъ приграничныхъ земель совместно польскою и будущей обще-россійскою властью — на базѣ этнографической. Какое же иное рѣшеніе вопроса могло быть болѣе справедливымъ и ре-

ально - выполнимымъ въ тогдашнемъ хаосѣ междупародной и междуусобной борьбы и версальскихъ пререканій. *при отсутствіи обще - признанной всероссійской власти*. при наличіи измѣнчивыхъ фронтовъ, возникающихъ и падающихъ правительствъ, эфемерныхъ гетмановъ и атамановъ?!

Но и этотъ вопросъ, какъ оказывается, былъ только *фикціей*. Дѣло въ томъ, что представитель Польши, ген. Карницкій, въ сущности, н и к о г д а и не представлялъ мнѣ какихъ либо о п р е д ѣ л е н н ы хъ условій относительно польско-русскихъ границъ. Очевидно, вопросъ этотъ въ такой постановкѣ не игралъ роли, такъ какъ Пилсудскій задавался планами иными, болѣе грандіозными. По свѣдѣтельству ген. Кутшебы, покойный маршалъ стремился «къ новой организаціи Востока Европы» — путемъ полного раздѣла Россіи и сведенія ея территоріи въ «границы, населенныя кореннымъ русскимъ элементомъ»... Въ частности задолго до вступленія въ сношенія со мною, Пилсудскій подготавливалъ «союзъ» съ Петлюрой — союзъ, который по словамъ польскаго историка Станислава Кутшебы, имѣлъ цѣлью отдѣленіе Польши отъ Россіи буферомъ, ввидѣ *«враждебнаго Россіи и тяготящаго къ Польши (вассальнаго) государства — Украины — страны плодородной, богатой углемъ и заграждающей Россіи столь важные для нея пути къ Черному морю»*. . . Пилсудскій полагалъ, что *«только путемъ реституціи Украины поляки могутъ обезпечить себя съ востока»*. И что только въ томъ случаѣ *«Деникинъ сталъ бы союзникомъ нашимъ, если бы онъ не противился политическимъ тенденціямъ отрыва отъ Россіи иногородныхъ элементовъ»*, и, въ частности *«призналъ бы украинское движеніе»* . . .

Пособниковъ въ раздѣлѣ Россіи среди вождей Бѣлаго движенія не нашлось. И потому въ польской главной квартирѣ было рѣшено: *«такъ какъ оффиціальное стрелительство Украины выявило бы наше враждебное отношеніе къ Деникину, что для насъ невыгодно»*, то эти планы надлежало скрывать и отъ Деникина, и отъ Антанты, и къ выполненію ихъ *«можно приступить толь-*

ко *носля паденія Деникина*». Такъ гласила инструкция, данная Пилсудскимъ генералу Листовскому, командовавшему Волинскимъ фронтомъ.

Никогда, конечно никогда **н и к а к а я** Россія — реакціонная или демократическая, республиканская или авторитарная — не допуститъ отторженія Украины. Нелѣпный, безосновательный и обостряемый извнѣ споръ между Русью Московскою и Русью Кіевскою — есть чаша внутренній споръ, никого болѣе не касающійся, который будетъ разрѣшенъ нами самими. «Отторженіе» въ 1920 году оказалось совершенно непосильнымъ для польской арміи, даже передъ лицомъ пораженческой совѣтской власти и разбитой красной арміи Тухачевского. Поэтому такъ легко, вслѣдъ за симъ, по Рижскому договору, и Петлюра, и Украина были брошены поляками на произволъ судьбы.

Просто и ясно.

Но вотъ ген. Кутшеба задаетъ вопросъ: «Вѣрно ли, что Польша предала украинцевъ?» И отвѣчаетъ:

«Если бы не польско - украинская кровь, пролитая бо имя этого дѣла, если бы не политическая программа 1920 года, быть можетъ, не существовала бы сегодня Украина, какъ самостоятельная республика»...

Съ чувствомъ удивленія и... стыда за автора читаешь эти строки. Вонервыхъ, какъ извѣстно, первоначальная инициатива признанія Украины исходила отъ нѣмцевъ, а вовторыхъ... не дай Богъ, генераль Кутшеба, чтобы ваша родина стала когда-нибудь такой *«самостоятельной республикой»*, какъ совѣтская Украина...

Такимъ образомъ, въ свѣтѣ исторической правды «борьба противъ російской реакціи», «высокая историческая задача освобожденія украинскаго народа», непризнаніе Деникинымъ государственной самостоятельности Польши» и проч., и проч. — все это оказывается лишь неудачнымъ камуфляжемъ безграничнаго національнаго эгоизма. Вопросъ въ тѣ роковые дни сводился исключи-

тельно къ разурѣшенію страшной по своей простотѣ и обнаженности дилеммы :

— С одѣйствовать ли національному возрожденію Россіи или, по крайней мѣрѣ, не препятствовать ему? Или же способствовать коммунистическому порабощенію Россіи и ея раздѣлу?

**

Большевизмъ побѣдилъ.

Каковы результаты этой побѣды не только для Россіи, но и для всего міра — объ этомъ говорить теперь нѣтъ надобности. Но было бы непростительнымъ заблужденіемъ считать, что приведенная здѣсь исторія закончена. Она продолжается. Міръ вновь стоитъ передъ событіями грозными и кровавыми. Большевицкая пропаганда и большевицкое золото разлагаютъ жизнь народовъ, въ томъ числѣ и Польши. Русско-польская рана кровоточитъ попрежнему. Попрежнему ненависть заглушаетъ голосъ крови и разсудка. Тѣ планы, которыми задавался въ 1919-1920 годахъ маршалъ Пилсудскій, и тотъ методъ, который онъ примѣнилъ тогда не только въ отношеніи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, но и въ отношеніи союзныхъ Франціи и Англій — какъ видно изъ появившихся офиціозныхъ «воспоминаній» — находятъ оправданіе и одобреніе въ польскихъ правящихъ кругахъ и с е г о д н я. По крайней мѣрѣ осужденія имъ не слышно. Мало того, недавно, по случаю пребыванія въ Варшавѣ румынскаго короля Кароля, офиціозъ министра иностр. дѣлъ Бека «Польское политическое агентство» привелъ слова, обращенныя въ 1922 г. маршаломъ Пилсудскимъ къ румынскому королю Фердинанду: *«Отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго живетъ одна и та же нація, хотя и носитъ различные національные цвѣта...»* И многозначительно добавилъ: *«Польша и Румынія рѣшили строить свои судьбы, согласно ихъ собственной воли и своими собственными силами...»*

Если «программа» и «методы» маршала Пилсудска-

го не подвергаются осужденію и пересмотру, то это обстоятельство, съ одной стороны, ставить подь большое сомнѣніе цѣнность современныхъ международныхъ обязательствъ Польши, и съ другой — вызываетъ призракъ новой братоубійственной войны, исключая возможность дѣйствительнаго замирения Востока.

Предостереженія исторіи, какъ видно, не идутъ въ прокъ... Тѣ круги, которые питаютъ надежду на сотрудничество Германіи въ «восточныхъ планахъ», могутъ жестоко обмануться. Данцигскій корридоръ, Поморье, верхняя Силезія, быть можетъ, часть Познани, это — реальность. Украина-же — иллюзія, обманывавшая не разъ жестоко и шведовъ, и поляковъ, и нѣмцевъ. Не исключена, вѣдь и такая возможность, что «стратегема маршала Пилсудскаго» обернется другимъ концомъ, что Гитлеръ въ рѣшительный моментъ используетъ ее въ отношеніи Польши такъ, какъ Пилсудскій примѣнялъ ее нѣкогда въ отношеніи Россіи...

И такъ, « д и л е м м а » поставлена передъ Польшей вторично и ждетъ спѣшнаго и теперь уже *окончательнаго* рѣшенія. Ибо сроки близятся: на востокѣ происходятъ знаменательные процессы самопожирания большевизма и пробужденія Національной Россіи. Никто и ничто не въ силахъ остановить эти процессы.

Въ необыкновенно сложной и тревожной конъюнктурѣ своего внутренняго и международнаго положенія Польша, волею судебъ и слѣдствіемъ своей политики, поставлена между молотомъ и наковальней. И не разъ еще, быть можетъ, неповинному польскому народу придется горько пожалѣть о томъ, что въ 1919 году вожди его предали Россію.

А. ДЕНИКИНЪ.